

Вас люблю

ГОД НАЗАД в парижской квартире вдовы Владимира Максимова Татьяна собрала небольшую компанию. Среди приглашенных была и москвичка Александра Архангельская, когда-то актриса, а сегодня преподаватель. «Дочь Александра Галича», — рекомендовала ее хозяйка. Один из гостей, смущенный фамилией Алены, никак не мог восстановить причинно-родственные связи. Тогда издательница Мария Васильевна Розанова — женщина импульсивная и острая на язык, не выдержала: «Господи, ну неужели непонятно? Алена — дочь той единственной женщины, которая сама бросила Галича!»

Простая история

ЭТА ИСТОРИЯ очень простая. С одной стороны — история любви, с другой — история развода. Внешне она напоминает самую банальную из любовных пародий Козьмы Прутова: «Она его любила, он ее любил. Она его забыла, он ее забыл».

Только вот участники тех событий совсем не так просты. Временная, пусть даже полувекковая, удаленность вообще укрупняет характеры. Невозможно сбросить со счетов, что уже через несколько лет после разрыва Галич стал известным драматургом, фильмом по его сценарию «Верные друзья» узнала вся страна. А еще через десятилетия — та же страна обучалась гражданственности по его песням. Как говорится в песенке о «римской империи» Булата Окуджавы, вечного соперника Галича (как в собственных, так и людских глазах), верная деталь «только мешает и замысел мой разрушает». Наши знания о будущем, хоть и верные, мешают не меньше. Кажется даже, что сами герои предполагали небанальность своей будущей судьбы. Почему, например, они сохранили письма? Не только те, где речь шла о судьбах страны или, тем паче, искусства. Долгие годы хранились даже самые бытовые записки, оставленные мужем на кухонном столе: «Роденький мой! Я ушел по делам. Буду скоро. Твой Саша». Ниже — приписка: «Тебя меня очень любишь? Да? Я — очень».

Вышло так, что история двух людей, дивящаяся — правда, с перерывами — пять лет, уложилась в историю одной переписки. А это не так уж и мало.

Письма Александра Галича его первой жене, Валентине Дмитриевне Архангельской, любезно предоставлены их дочерью Александрой. До шестнадцати лет она жила под фамилией Гинзбург, а когда получила паспорт, просила разрешить ей или фамилию Галич, или фамилию Архангельская. Разрешили второе.

Фронтовой роман

БЫВАЮТ люди, наделенные удивительным талантом встречи. С завидным постоянством жизнь сводит их с людьми замечательными. Это нельзя объяснить ни узким кругом, ни тесным миром. Валентина Архангельская — как раз из таких. Где бы она ни жила — в родном Краснодаре, Москве, далеко от Иркутска, — рядом с ней всегда появлялись те, чьи имена впоследствии стали известны.

В Вахтанговское училище Валю готовил ее земляк Михаил Львовский. Он тоже собирался поступать, правда, в Литературный институт. И тоже поступил. Алена утверждает, что его фильм «В моей смерти прошу винить Клаву К.» — про маму. Даже мальчик-разлучник, который появляется в финале, смахивает на Александра Галича. Когда снимали фильм, Львовский очень долго подбирал исполнительницу главной роли и нашел ту, которая была похожа на Валю в детстве и юности. Когда Валентина вышла замуж за Галича, они рассорились. И прославленная «Иронией судьбы» песенка «Вагончик тронется, перрон останется» (Тихорецкая — станция недалеко от Краснодара) — была перепосвящена кому-то из драматургов.

С Галичем Валентина познакомилась в Чернике, куда Архангельскую — выпускницу Вахтанговского училища 41-го года — отправили подбадривать солдат в составе Фронтového театра. В труппе — по большей части состоящей из остатков арбузовской студии — работал и Александр Галич.

Их роман был скоротечным. Если бы по дороге в загс повелась бы еще в эвакуации (прямо перед входом в загс у «уве-

ли» чемодан со всеми документами). Регистрировались уже в Москве, осенью 42-го. Дочка не заставила себя ждать.

В 44-м фронтовой театр расформировали. Молодое семейство вернулось в Москву, где поселилось на Малой Бронной, в квартире мамы Александра Аркадьевича. Несмотря на уличные пробы сценического пера (сохранились афиши военного времени с именем Гинзбурга как автора комедийного скетча «Гитлериада»), первые серьезные пьесы только задумывались. Артистку Архангельскую не слишком зазывали на работу в театр. Короче говоря, ни денег, ни работы не было.

Провинция казалась тогда совсем не такой страшной: Валентина Дмитриевна уехала работать в Иркутск. Александр Аркадьевич должен был приехать туда позже, его ожидала должность заведующего литературной частью театра. А пока он писал ей письма.

Москва — Иркутск

Москва, 9 марта 1945 года

Добрый день, родной мой, любимый, самый единственный мой человек!

Как тебе живется на твоём девятнадцатом месте? Вчера, когда я давал телеграмму Волюну, я заметил, что номер поезда — шесть, а вагона — семь — тринадцать! А ты заметила? Солнышко мое, очень моя любимая, далекая сейчас и близкая всегда, как ты? Мы с Аленкой, наверное, совсем сойдем с ума от тоски, пока мы утешали друг друга и хабрились, но вообще худо. «Зоя» нам запрещена и Сусливич будет ее впоследствии ставить в Центральном детском театре, а что касается нас — то «Жестокый роман» решает уже, по сути, не судьбу театра, а судьбу людей, в том смысле, куда их деть: как это ни грустно, но для меня лично это все облегчает — и отъезд, и работу сейчас. Как тебе приняла, как ты себя чувствуешь? Ужасно глупо писать это сейчас, зная, что в данную минуту тебя везет поезд, а письмо ты уже будешь читать в Иркутске... Ой, как далеко: честно говоря — понять и осмыслить я всего этого еще не могу! Вот мне будет грустно или радостно, и я приду домой, а тебя нет, и бессмысленно искать тебя по разным телефонам и ждать... Если бы ты только знала, как мне без тебя пусто и не

тебе, но вина здесь не моя, как всегда связавшись с оказией, каждый день говорил вот-вот едет, а еще до сих пор не известно, слушается ли это и сегодня. Посылаю тебе пять скетчей — это лучшее, что мне удалось добыть в отделе распространения. А у тебя уже есть партнеры? Ой, Валька, вчера на улице встретил Сережу Маркушеву (впоследствии артист Малого театра. — Ю.Ч.), который долго ехидно расписывал, как ты начинаешь меня заботить. Не надо, любимый мой, я постоянно каждую минуту думаю и смертельно тоскую по тебе. Анюка совершеннейшая роскошь. Я совершенно до одурения работаю. Пьеса дается с трудом, но зато, по-моему, и получается. Позавчера мне вдруг позвонили, сказали, что говорят с Союздетфильма и что просят разрешения ко мне захватить. Вчера был у меня оттуда некий режиссер Лукинский, он работал в Разумном над «Тимуром», ты, может быть, его помнишь? Я прочел ему два акта, он очень загорелся, сказал, что это именно то, что их интересует, и что в понедельник он мне сообщит насчет договора на срочное написание сценария, это было бы конечно, здорово, тьфу-тьфу-тьфу. Но вообще я не очень во все верю, а мне хочется к тебе, это самое главное. Ужасно меня огорчило то, что письмо твое с дороги я получил только вчера. Сколько же, значит, должно идти почта с места на мес-

фразы, много с нею гуляем, она здоровенькая, веселенькая, тебя вспоминает часто, но спокойно; «мама Валя ту-ту, далеко!» Саша придумала такое — кукол она называет — Ляля, а черного негра-тенка прозвала «Ляля черная». Вальюшенька, давай скорей, чтобы вместе, уж очень нам не хватает. Целую тебя крепко, крепко. Всегда твой, Саша.

Москва, 5 апреля

Вальюшенька, родная моя! Ничего по-прежнему от тебя не имею, кроме первого письма, а я то уж думал, что связь не наладилась. Мы с Аленушкой живем хорошо и дружно, я много работаю, позавчера кончил пьесу и отдал ее на машинку, но отдохнуть не придется, звонят с Союздетфильма, там производится верстка плана 45-го года, и они включают моих «Мальчиков» (пьеса «Улица мальчиков», так и не поставленная. — Ю.Ч.), так что надо срочно садиться за сценарий. Алена — просто гениальная девочка, она уже совсем все говорит, даже целые фразы. Сегодня залезла в мою рукопись, перевернула чернила и на вопрос: «что ты делаешь, она ответила: «Как папа работаю». Сейчас мы с ней пойдем на телеграф и отправим тебе это письмо и телеграмму и ценным пакетом профсоюзные дела. Пиши нам, родная, любимая, с нетерпением ждем весточек от тебя. Твои Саша и Анюка.

Разлука на счастье

О красоте земной и небесной в судьбе Александра Галича

Москва, 7 мая
Вальюшенька, родная моя, очень далекая и очень любимая! Сел только писать тебе письмо, и вдруг пришел от тебя денежный перевод, — спасибо тебе, только зачем же? Агашиа тебя очень бааодарит и страшно расстроена, Аленка, разумеется, тоже, а я угуаю! Главным образом самого себя. Это я должен был послать тебе деньги, а не ты, но у меня все еще длится совершенно идиотский период оживания, от которого я устал больше, чем от работы. Ложат четыре раббаты, все четыре находятся в стадии разрешения, а я хожу около и злюсь. В Москве настроение радостное. Имели затмение, а сейчас прошел слух о полной капитуляции Германии. Все счастливо, а мне ужасно грустно быть одному без тебя. Нам с тобою выпало на долю самое тяжелое, самое горькое и трудное, а вот теперь в дни праздников мы врозь! Несправедливо!

С нетерпением жду хоть кратких вестей от тебя, не ленись, любимая. Чувствую себя не шибко, но с Ховрином ничего не выхоит. Ладно, буду пахать на твоём попечении в Иркутске, скорей бы только. Крепко-крепко целую тебя, родная любимая наша, твои Саша, Анюка.

К этому времени мать Галича активно отговаривала сына от переезда в Иркутск и вызывала в Москву невестку, обещая помочь

предстояло продекларировать трагические вприни. Проблема, вставшая перед ней, привела бы в замешательство даже самого искусственного человека: что надеяться? Торжественность момента следовало отметить классическим сочетанием черного платья и белого фартука. Традиционный траур предписывал фартук черный. «А иди-ка ты совсем без фартука», — посоветовала бесхитростная Агаша. Алена так и сделала. «Ты совершила первый в своей жизни компромисс», — смеялся позже отец.

Москва, 16 марта

Ну здравствуй в Иркутске, родной мой, горячо любимый человек!

Только что получил от тебя телеграмму о том, что приехала! Любимый мой Вальюшюк! Так много нежного и ласкового хочется тебе сказать! Аленка у нас просто совершенный вундеркинд! Любимым ее развлечением стало стоять возле меня и «мотать газками» как я пишу. Со мной она очень дружна и добра — единственный теперь «свой». Я работаю и работаю, сегодня в два часа буду читать в Центральном детском второй и третий акт, а затем сажусь за окончательную редакцию. Я решил читать предварительно, чтоб потом не вешали собак. К десятому апреля мы с Володей Дыховичным обещали сдать в цыганский театр реву, ибо сейчас же у них поступает в работу, так что запарка дикая. Жду с нетерпением от тебя подробного послания обо всем. Все о тебе вспоминают, звонят — Зяма, Саша, Таня, Лева, Сережа. Жду писем. Всегда твой Саша.

Москва, 25 марта

Родной мой, любимый, дорогой человек. Несколько дней не писал

с деньгами. Но с Ховрином — районом, где Галич намеревался обустраиваться с женой и дочкой, — ничего так и не получили. Впрочем, квартира тут была ни при чем.

И работа была ни при чем. Режиссер Плутчек уже открыл свой театр и уже позвал Архангельскую на работу. Но в Иркутске она добилась роли прима, а чем встретит Москва, было еще неизвестно.

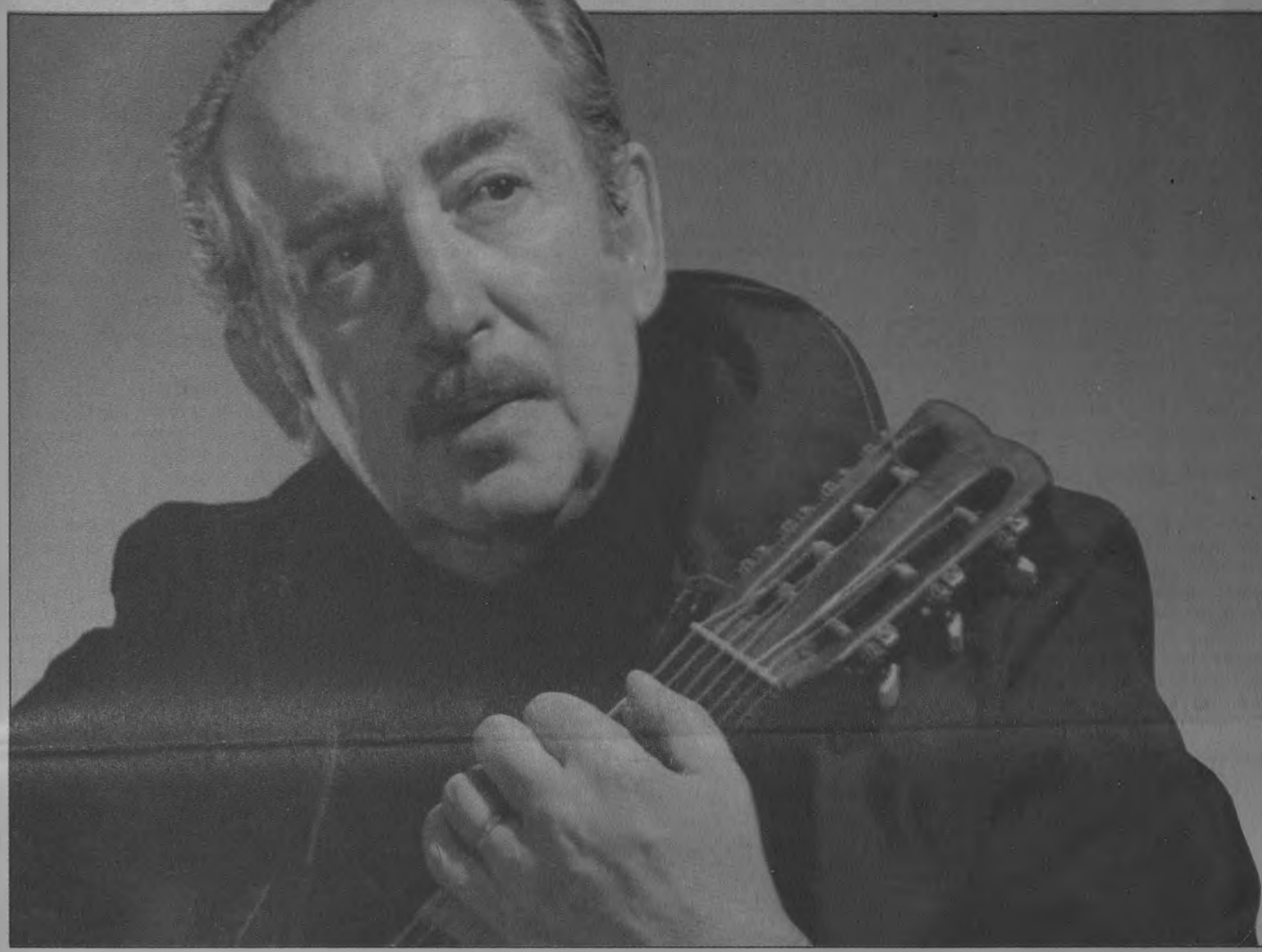
Валентина Дмитриевна не только редко писала. Она решила не возвращаться.

Разрыв

А АЛЕКСАНДР Аркадьевич не поехал в Иркутск. Жизненная — то есть необходимая для выживания — необходимость переезда отпала. Театры начали охотно принимать его пьесы (уже была написана знаменитая «Вас вызывает Таймыр»), послевоенная жизнь вошла в свою обычную столичную колею.

И здесь Галич встретил Ангелину Николаевну Прохорову, ставшую его второй женой. Сам он называл ее «Нюша», а чаще «Нюшюк». Имя настолько не подходило ее породистому лицу, что в этой выдумке видели лишнее подтверждение нетривиальности авторской мысли.

Завязать столичные остринки тогда говорили, что у Галича две жены и обе красотики. Только две

на — красотка земная, а вторая — красотка небесная. Если Валентина Дмитриевна проходила как «земная», Ангелину Николаевну еще называли «Фанера Милоская»: хоть и слишком худощавая, она была чудом хороша.

Приехав в Москву, Валентина узнала о существовании Ангелины и первой заговорила о разводе. Справедливости ради надо сказать, что Галич уговаривал попробовать еще раз: «Всякое бывает, но ради Алены мы должны остаться вместе». Валентина Дмитриевна не согласилась: к тому времени у нее тоже была другая жизнь.

Алена Галич вспоминает, что впервые пришла навестить маму в три с половиной года. И попала... на руки Леониду Гайдуку. Совсем молодой, он работал в том же театре, где Архангельская заняла положение прима. Гайдай был влюблен, Валентина была занята... В общем, маленькая Алена частенько спихивалась на руки будущему королю комедии.

Она видела таскал девочку за собой, занимался воспитанием, а когда Алену привезли в Иркутск во второй раз, обучал грамоте.

Алена помнит, как впервые увидела их на сцене. Шла репетиция «Под каптанами Праги» Симонова, Валентина играла главную роль, Гайдай — ее младшего брата. До прогона было еще далеко, и артисты репетировали в своих костюмах. Когда такого любимого Ленью внесли на сцену «убитым», девочка разрыдалась и сломая голову понеслась со своего третьего яруса на сцену в безудетной истерике.

Роман с Гайдаем был недолгим. Валентина считала, что ему нечего делать на сцене, и посоветовала ехать учиться на режиссера. (Как известно, он выучился, и один из ранних фильмов поставил по пьесе Александра Галича «Пароход зовут «Орленок».) А Валентина Дмитриевна встретила, наконец, «своего» человека — Юрия Ивановича Аверина, впоследствии — народного артиста России, с которым и прожила всю жизнь.

Так что когда, много лет спустя, Валентина Дмитриевна объясняла свой разрыв с Галичем лакоичной фразой «У него появилась Ангелина», жестокосердая дочь возражала: «Но у тебя же появился Аверин». — «Это неважно», — в необъяснимой женской логике отвечала Валентина Дмитриевна.

Одно из первых Аленных воспоминаний (она уверена, что детально помнит всю мизансцену). Снятая на лето дача в Загорянке. Элегантные родители (они были очень красивой парой) одеты в длинные — по моде — плащи с огромными плечами. Мама — на очень высоких каблуках (в свое время Михаил Львовский посвятил ей строки «Где же ты шагаешь, Валентина, на своих высо-

ких каблуках?»), Алена — у калитки, родители уходят вальс к электричке: «Я помню это цемьящее ощущение — что больше я их никогда не увижу вместе». Так оно потом и случилось.

Жизнь врозь

ПРИВЫКШИЕ видеть в разводе несчастье не поверят, но этим двум людям очень повезло. Разрыв стал благом для обоих.

«Недаром говорят, что настоящая любовь созревает ближе к тридцати годам. Что было бы с Ромео и Джульеттой, если бы они поженились? — доброжелательно, как и положено дочери, размышляет Алена Галич. — Наверное, то, что произошло с моими отцом и матерью. Мама всегда говорила, что она актриса, ей хочется играть. А папой надо было заниматься. Ангелина, окончив сценарный факультет ВГИКа, все забросила ради отца и пеликом отдавался его делам. Папа — совершенно творческий человек — не умел договариваться, выбивать, куда-то ходить... Но самое удивительное, что и мама, и папа нашли двух людей, которые их поддерживали и тащили чисто в житейском плане».

Только дочери не повезло. Она жила то там, то там, в результате однажды ее забыли отправить в школу 1 сентября. Бабушка Фаня Борисовна очень переживала, что ребенок «не определен», все время спрашивала: «У тебя с Юрой хорошие отношения?» — «Хорошие». — «А с Ангелиной Николаевной — хорошие?» — «Бабушка, все хорошие, но почему же им не поменяются?»

Алена жила то с отцом, то с матерью. С папой, например, прогуливая уроки. Они созванивались и втайне и от мамы, и от Ангелины встречались в условленном месте и шли гулять по бульварам или в кино. Месяца через два это открылось, Валентину Дмитриевну вызвали в школу, а Алена решила навсегда перебраться к отцу. Он позвонил Валентине Дмитриевне: «Алена у меня, не волнуйся». Она ответила: «Замечательно, я уезжаю на гастроли».

21 июня, 1974 года

Аленушка, родная моя! Прости и постарайся понять меня. Все произошло неожиданно, в страшной спешке и суете. Оставайся тебе немного денег на первое время. При первой же возможности пришло, меня до сих пор не оставляет надежда, что мы еще обязательно увидимся и все будет хорошо. Низкий поклон твоей маме.

Это письмо Алене вручила бабушка. Когда Галич уезжал в эмиграцию, Алена работала во Фрунзе. Созванивалась с мамой. Помнит, как стояла на телеграфе и пыталась понять странные, отчуж-

денные слова «Саша уезжает». Какой Саша? Мама никогда не называла так отца. Она, правда, все таки сорвалась, не выдержала: «Папа, папа уезжает!» Алена помнит обиду: почему не попрощался? Помнит уверенность, что они больше никогда не увидятся.

Отпущенное до гибели Галича время они переписывались. Письма приходили на бабушкин адрес: так казалось безопаснее. А 15 декабря 1977 года Александр Галич, немного простуженный и сильно уставший, вернулся из Авиньона с фестиваля бардовской песни. Записал на радио «Свобода» новую песню «За чужую печаль». Запел в магазин за ангинами, размышляет Алена Галич. — Наверное, то, что произошло с моими отцом и матерью. Мама всегда говорила, что она актриса, ей хочется играть. А папой надо было заниматься. Ангелина, окончив сценарный факультет ВГИКа, все забросила ради отца и пеликом отдавался его делам. Папа — совершенно творческий человек — не умел договариваться, выбивать, куда-то ходить... Но самое удивительное, что и мама, и папа нашли двух людей, которые их поддерживали и тащили чисто в житейском плане».

Только дочери не повезло. Она жила то там, то там, в результате однажды ее забыли отправить в школу 1 сентября. Бабушка Фаня Борисовна очень переживала, что ребенок «не определен», все время спрашивала: «У тебя с Юрой хорошие отношения?» — «Хорошие». — «А с Ангелиной Николаевной — хорошие?» — «Бабушка, все хорошие, но почему же им не поменяются?»

Алена жила то с отцом, то с матерью. С папой, например, прогуливая уроки. Они созванивались и втайне и от мамы, и от Ангелины встречались в условленном месте и шли гулять по бульварам или в кино. Месяца через два это открылось, Валентину Дмитриевну вызвали в школу, а Алена решила навсегда перебраться к отцу. Он позвонил Валентине Дмитриевне: «Алена у меня, не волнуйся». Она ответила: «Замечательно, я уезжаю на гастроли».

Алена жила то с отцом, то с матерью. С папой, например, прогуливая уроки. Они созванивались и втайне и от мамы, и от Ангелины встречались в условленном месте и шли гулять по бульварам или в кино. Месяца через два это открылось, Валентину Дмитриевну вызвали в школу, а Алена решила навсегда перебраться к отцу. Он позвонил Валентине Дмитриевне: «Алена у меня, не волнуйся». Она ответила: «Замечательно, я уезжаю на гастроли».

Письмо, которое Галич передал бывшей жене перед эмиграцией, не видел никто. Даже дочь. Ответом на просьбы о публикации служит неизменное: «Только после моей смерти».

Сегодня многие думают, что Алену назвали Александрой в честь отца. На самом деле, в честь любимой Галичем героини «Поединка» Куприна Шурочки — той, которая обещала: «Я надругаюсь над собой, но сгорю в один миг и ярко, как фейерверк!» Шурочки из Алены не вышло. Она считает, что по силе характера на Шурочку гораздо больше походит ее мать.

Подготовила Юнна ЧУПРИНИНА

Александр Гинзбург и Валентина Архангельская, артисты фронтového театра, 1941 год

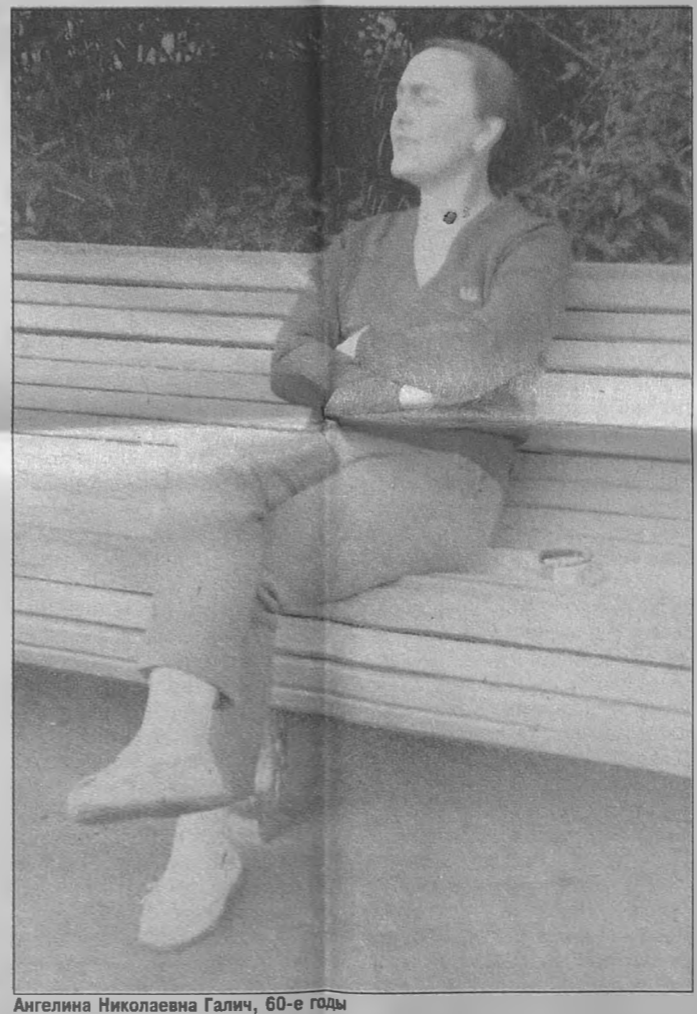
так. Крепко-крепко целую тебя и обнимаю. Папа с Аленкой.

Москва, 16 марта

Ну здравствуй в Иркутске, родной мой, горячо любимый человек!

Москва, 25 марта

Родной мой, любимый, дорогой человек. Несколько дней не писал

Ангелина Николаевна Галич, 60-е годы